ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
№ 306 Январь 2008

ИСТОРИЯ

УДК 94/99(470,62)

И.Ю. Васильев

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX в.)

Предпринята попытка выделить основные ценности (Кубанское казачье войско, православная вера, воля, земля и др.), которых придерживались кубанские казаки, и проследить взаимосвязь этих ценностей. Ценности рассмотрены в историческом контексте, т.е. с точки зрения изменения степени их важности с течением времени.

В процессе исторического развития система ценностей дореволюционного кубанского казачества вобрала в себя ценности социума-убежища, субэтноса и сословия. В её становлении были задействованы традиции восточно-славянской общины, польской шляхты, русских служилых людей и тюркских казаков, т.е. народов восточно-европейской этноконтактной зоны.

Особое место в этой системе занимала православная вера. Она была и целью, и средством существования этой системы в целом. В XVI–XIX вв. вера духовно поддерживала казачество, обосновывала его моральные ценности. Однако влияние православия было различным и зависело от конкретного носителя казачьей системы ценностей и конкретных жизненных обстоятельств. Нормы христианской этики не всегда одинаково применялись по отношению к «своим» и «чужим». Часть членов казачьего социума (абсолютное меньшинство) вовсе не исповедовала православие. Однако и они находились в рамках общества, ценностная система которого во многом опиралась на православие.

Православная религиозность в казачьей среде во многом основывалась на внешних социальных факторах. Это сила общественного мнения в общине, уважение к этнической традиции и образу жизни, существующему государственному строю. Наибольшее воздействие на жизнь казаков они оказывали во второй половине 40–60-х гг. XIX в., в период максимальной крепости социальных устоев. Поэтому изменения в образе жизни, набиравшие темпы с 70-х гг. XIX в., ударили и по казачьему православию [1. С. 316, 318]. Самыми значительными из них были переход к мирной жизни после окончания Кавказской войны, приток иногородних и развитие рыночных отношений, сопровождавшееся укреплением связей с городскими центрами. С рубежа XIX–XX вв. процесс деформации образа жизни ускоряется.

Индивидуализация поведения и мировоззрения, связанная с развитием рыночного хозяйства, способствовала размыванию духовного единства казачества. В этих условиях казаки, для которых православная вера была личным убеждением, предпринимали попытки консолидации (создание церковно-приходских советов).

Другой важной составляющей казачьего мировоззрения был монархизм. В ранний период существования казачества он представлял собой соединение идеологемы сакральности монарха с традицией свободной феодальной службы. Последняя предусматривала договорные отношения казаков с их сюзереном при обязательном признании последним казачьих прав и свобод [2. С. 121].

Начиная с конца XVIII в. господствующее положение занял монархический этатизм, который подразумевал добровольное признание всевластия монарха и представляющего его интересы государственного аппарата [3. С. 253]. При этом сакрализация особы государя продолжала иметь место. Царь считался носителем высшей правды, имеющим особые отношения с Богом. Именно она служила глубинным психологическим обоснованием господствующей модели отношений казачества и государства. Осознание свободы и элитарности было присуще казачеству изначально и сохранялось в среде кубанцев до первой половины XX в. Оно проявлялось в трепетном отношении кубанца к личной свободе, осознании своей значимости и близости к престолу.

Представления о религии и отношениях с государством образовывали основу идеологии кубанских казаков. Её ценностной платформой было православие. Оно задавало духовные ориентиры частной и общественной жизни кубанцев. Православие инкорпорировало войско в этнокультурные системы более высокого уровня (русское государство и этнос, мировая семья православных народов). Монархизм связывал религиозные ценности казачества с практикой его взаимоотношений с государством. Если монарх считался фигурой полубожественного статуса [4. С. 176], то государство – не всегда надёжным партнёром, во взаимоотношениях с которым надо, прежде всего, блюсти свою выгоду. Государство смогло долгое время держать кубанское казачество под жестким контролем только благодаря идейной поддержке православия и монархизма. На рубеже XIX–XX вв. традиционное отношение к монарху стало меняться. Для некоторых казаков он стал отождествляться с государственной машиной, её промахами и произволом. На государя стали возлагать личную ответственность за неудачи армии во время Русско-японской и Первой мировой войн [5. Л. 2], тяжелое положение в экономике, растущее малоземелье [6. Л. 2 об., 7. Л. 20 об.].

Негативное отношение к деятельности государственного аппарата в наибольшей степени характерно для периодов становления и кризиса системы ценностей. На рубеже XVIII–XIX вв. рядовое черноморское казачество ещё пыталось отстаивать право контроля над внутренними делами войска (Персидский бунт) [8. С. 343–370]. С начала 60-х гг. XIX в. казакам приходилось бороться за

сохранение самого казачьего образа жизни в условиях модернизации и общегосударственной унификации социальной системы (протест черноморцев и хопёрцев против выселения в Закубанье в 1861 г. [9. С. 321–326], требование автономии в 1917 г. [10. Л. 31 об.–32 об.]). В период же Кавказской войны казаки в условиях непрерывных боевых действий считали тесное единство с государством жизненно необходимым для нужд обороны и сглаживания внутренних противоречий.

Подсистема нравственных ценностей кубанских казаков должна была содействовать сглаживанию конфликтов и противоречий, поддерживать крепкое внутреннее единство. Согласие и единство были важнейшими моральными ценностями. Ведь казачья община всегда активно противопоставляла себя внешнему миру. Необходимость сохранения единства диктовала необходимость соединять строгость этических принципов и терпимость к их нарушителям, стремление не наказывать, а исправлять их. Такой подход был обусловлен той относительной значимостью, которую казачья община признавала за отдельной личностью. Казачья этика строилась на сочетании коллективизма и индивидуализма.

Соотношение коллективизма и индивидуализма хорошо видно на примере таких важнейших ценностей, как земля, труд, воля. Гарантом их защиты должно было выступать стремление к единству. Его конкретным воплощением выступала община (социальный институт, окрепший вследствие необходимости развивать сельское хозяйство в условиях войны). Она была стержнем организации казачьего общества. В сознании кубанцев она наделялась такими признаками, как независимость, обязательное владение землёй, власть над своими членами. Казак делегировал общине значительную часть личной свободы.

Владение землёй было обязательным для общины. Она не могла находиться в собственности частного лица, т.к. любой казак являлся частью общины. Разделение земли означало бы её крушение как единого целого. Власть в представлении казаков была тесно связана с правом собственности. Эти принципы нередко сталкивались с сопротивлением отдельных казаков, боровшихся за свои интересы. Следствием этого был конфликт станичных общин и владельцев хуторов в 30–40-е гг. XIX в., завершившийся временным компромиссом. Последний выразился в ограничении размеров личных владений и приведении их в соответствие со служебными заслугами владельцев [11. С. 41]. Особые права на пользование войсковой землёй ещё с появлением «Порядка общей пользы» в 1793 г. присвоила казачья старшина [12. С. 231–235]. После окончания Кавказской войны государство решительно поддержало земельные притязания казачьей элиты и армейского офицерства. В 70-е гг. XIX в. на Кубани стало вводиться частное землевладение [13. С. 45]. Естественно, эти действия правительства вызвали сопротивление казаков [14. Л. 3–31 об.]. Стремление к приватизации казачьей земельной собственности отвечало индивидуалистической составляющей казачьей системы ценностей, представлениям о воле, самореализации. Однако частнособственнические настроения в казачьей среде нарастали медленно. Коллективистские представления преобладали.

В конце XIX – начале XX в. государство активно участвовало в формировании среди казаков Кубани жизнеспособной общины. В Черномории этот процесс проходил непросто по причине социальной неоднородности войска и радикальных представлений о роли воли во внутриказачьих отношениях как верхов, так и низов. В ходе Кавказской войны при поддержке государства община обрела силу и оказывала активное влияние на повседневную жизнь своих членов. Период наибольшего морального влияния общины продолжался с конца 40-х до начала 70-х гг. XIX в. Позже под влиянием социально-экономической модернизации единство общины и её моральный авторитет среди казаков постепенно слабеет. Показателем этого процесса стало усиление давления государства. Ослабевшая община всё менее может противостоять ему, отношения её членов всё больше нуждаются во внешнем регулировании. Но к рубежу XIX–XX вв. община всё больше осваивает такие функции, как контроль над землепользованием и развитие образования.

Единство общины основывалось и на моральных принципах. Они должны были, наряду с общинным владением землёй, помочь казакам сохранить единство. Последнее должно было быть максимально полным, но добровольным. Поэтому община должна была поддерживать стремления своих членов, обеспечивать их интересы. Каждый казак должен был быть максимально удовлетворён в своих притязаниях. У него должна была быть земля в количестве, достаточном для безбедного существования. Казак ценил возможность участвовать в работе казачьего самоуправления и добиваться в нём почетных должностей, укреплять свой авторитет. Станичник хотел использовать силу общины для борьбы с обидчиками и чужаками.

Но для этого необходимо было взаимно согласовывать и ограничивать стремления. Это достигалось с помощью воспитания и общественного мнения, которые формировали единую шкалу моральных норм и предпочтений. Насилие по отношению к нарушителям принятых норм стало особенно частым явлением позднего периода существования кубанского казачества. Усиление репрессивных мер на рубеже XIX–XX вв. свидетельствовало о начавшемся разложении системы ценностей.

И община, и вольнолюбивый казак стремились к самодостаточности. Их интересы можно было согласовать только до определённого предела. Долгое время этому способствовала военная угроза. Во второй половине XIX – начале XX в. фактор внешней опасности стал гораздо менее значимым, развитие экономики открывало всё больше возможностей для укрепления независимости отдельной личности. Трудовые усилия казака всё менее обусловлены поддержанием своего статуса. Отношение к труду всё более соответствует личным склонностям отдельного казака. Это было одной из причин усиления социального расслоения. В то же время сельское хозяйство на Кубани всё более переориентировалось на достижение коммерческого успеха. Последний в гораздо большей степени зависел от трудовых и организаторских способностей казака-хозяина, чем от простого обеспечения необходимых потребностей. Сокращение паевых наделов усложняло выживание ленивых малоспособных и неудачливых.

Внутренние противоречия в жизни кубанского казачества были частью единого процесса разрушения традиционного образа жизни русского народа.

Ещё одной важнейшей составляющей системы ценностей на протяжении столетий была воинская доблесть. Последняя объединяла и обобщала такие ценности, как удаль, храбрость, сила, безусловная верность своим, установкой на защиту религиозных святынь и христианскую непривязанность к жизни и её благам.

Наивысшей ценностью для кубанских казаков было само войско и принадлежность к нему, статус казака. Трепетное отношение к войску чаще всего не выражалось напрямую. Оно проявлялось в гордости своим положением казака. Любовь к войску распространялась на его составные части: станичные (куренные) общины, воинские подразделения. В этот ряд можно поставить и казачью семью.

Поэтому основной казачьей добродетелью являлась преданность тем коллективам, в которые он был включен в соответствии со своим казачьим статусом. Они могли проявлять известную вольность по отношению к существующим правилам (таким как запрет воровать, пьянствовать), но при этом не имели права изменять интересам коллектива. Казаки не должны были враждовать с теми, кто считался «своим».

Однако такая казачья ценность, как воля (обладание неотъемлемыми правами и привилегиями, возможность по собственному желанию менять свои отношения с государством и общиной), не всегда могла реализоваться в казачьей же среде XIX–XX вв. Ведь казачество было подконтрольным элементом имперского государственного механизма. Поэтому поиски свободы и самореализации порой выводили казаков за пределы войска и его традиций, иногда и в революционное движение.

Следующими по значимости ценностями можно назвать православную веру, волю и воинскую доблесть. Они выделяются особой позицией по отношению к важнейшей ценности – кубанскому казачеству и её составным элементам. Признание в качестве ценностей православной веры, воли и воинской доблести одновременно оправдывало существование кубанского казачества и помогало обеспечить его выживание. Таким образом, признание этих ценностей было абсолютно необходимо для поддержания высшей ценности – войска.

Религия укрепляла как внутреннее единство казачьей общины, так и помогала найти ей союзников и источники пополнения.

Вольнолюбие было необходимо для сохранения казачьей социокультурной автономии и поддержания традиционных особенностей казачьего образа жизни (равенства, взаимного уважения и т.д.). Оно же подталкивало казака бороться за освобождение от опеки коллектива. Этого можно было добиться только через социальную активность и интеграцию с такой внешней силой, как Российское государство.

Почитание воинской доблести развивало в казаках решительность, твёрдость, самоуважение. Эти качества помогали защищать все названные выше ценности, воплощать в жизнь основанные на них принципы.

Падение значимости этих ценностей на рубеже XIX–XX вв. было признаком начавшегося общего разложения системы.

Непременным условием реализации важнейших казачьих ценностей было наличие у войска земли. Последняя была основой материального обеспечения войска как такового, его военной активности и религиозной жизни. Владение землёй являлось как экономической основой казачьего самоуправления, так и его идейным основанием.

Особое значение для кубанских казаков имела особа российского монарха и возглавляемое им государство. Идейная установка на службу государю помогала объяснить и оправдать сложившийся образ жизни, найти ему необходимое внешнее обоснование и поддержку. Российская государственная власть была необходима казачеству как сильный союзник во внешних конфликтах и третейский судья – во внутренних.

Все прочие ценности (например, трудолюбие, женская честь) можно рассматривать как конкретизацию вышеуказанных основных ценностей применительно к конкретным явлениям социальной жизни. Трудолюбие можно рассматривать как реализацию установки на укрепление семьи и общины, личной независимости, женскую честь – как конкретное проявление верности своим.

С конца XVIII в. до начала 40-х г. XIX в. отрабатывались механизмы реализации устойчивых ценностных констант в новых условиях. Для этого периода характерна относительная социальная нестабильность. Период наибольшего воплощения казачьей системы ценностей в жизнь приходится на конец 40-х – конец 60-х гг. XIX в. Тогда военные и общинные структуры казаков Кубани достигли высокой степени эффективности. Во многом благодаря им победоносно завершилась Кавказская война, началось освоение Закубанья. С начала 70-х гг. XIX в. на Кубани начинается быстрая модернизация. Толчком к ней послужили разрешение в 1868 г. иногородним поселяться на войсковых землях [15. С. 62–64] и появление в начале 1870-х гг. на Кубани частновладельческих земель. В новых условиях константы системы ценностей подверглись активному внешнему воздействию и начали деформироваться. Особенно этот процесс ускорился на рубеже XIX–XX вв.

Система ценностей изменялась медленнее, чем социальная жизнь, в которой она реализовывалась. Сохранялись её архаичные элементы. Консерватизм системы ценностей позволял сохранять преемственность поколений и единые принципы образа жизни. Наличие в ней фрагментов разных периодов происхождения обеспечивало разнообразие и гибкость. Но на рубеже XIX–XX вв. темп социально-экономической эволюции стал слишком быстрым. Опорные элементы системы – вера, воля и престиж военного дела – стали терять свою значимость. Междоусобное противостояние казаков во время Гражданской войны показало, что основной компонент системы ценностей – казачество и верность ему – также начал отступать на второй план. Выдвижение на первый план таких ценностей, как материальное преуспевание, вело к нивелированию специфики системы ценностей кубанского казачества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тимофеевский Е.* Холмская церковно-приходская летопись // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1913.
2. *Назаров В.Н.* Нереализованная возможность: существовало ли рыцарство на Руси в XIII–XV веках // Одиссей. Человек в истории. М., 2004. С. 121.
3. *Королёв Н.В.* «На Дону нет царя». О так называемом казачьем монархизме // De Die in Diem. Памяти А.П. Пронштейна. 1919–1998. Ростов н/Д, 2002.
4. *Матвеев О.В.* Пристав от Бога // Герои и войны в исторической памяти кубанских казаков. Краснодар, 2003.
5. ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 120.
6. ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 148.
7. ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 585.
8. *Голобуцкий В.А.* Черноморское казачество. Киев, 1956.
9. *Короленко П.П.* Переселение казаков за Кубань в 1861 году с приложением документов и записки полковника Шарапа // Кубанский сборник. Ектеринодар, 1911. Т. 16.
10. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263.
11. *Щербина Ф.А.* Земельная община кубанских казаков. Екатеринодар, 1891.
12. *Приложения* // Короленко П.П. Черноморцы. СПб., 1874.
13. *Матющенко П.П.* Некоторые вопросы земельной политики царизма в казачьих областях Северного Кавказа в пореформенный период (1861–1914) // Проблемы социально-экономического развития Северного Кавказа в XIX – начале XX века. Краснодар, 1985.
14. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 536. Л. 3–31 об.
15. О дозволении русским подданным невойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск // Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1871. Т. 4.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 октября 2007 г.